

Надежда Никитина
Брошенный

Повесть, фантастика

Надежда Никитина
Брошенный.
Повесть, фантастика

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23576274
ISBN 9785448398803*

Аннотация

Повесть «Брошенный» – это несколько дней из жизни парня, который пережил предательство любимой девушки и оказался безучастным к происходящему. Высланному в деревню молодому человеку кажется, что он сходит с ума, потому что видит странные галлюцинации. Шаг за шагом к нему приходит понимание, что истинные причины болезненного состояния совсем в другом.

Содержание

1	5
2	8
3	9
4	12
5	16
6	23
7	27
8	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Брошенный

Повесть, фантастика

Надежда Никитина

© Надежда Никитина, 2017

ISBN 978-5-4483-9880-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Ранний рейсовый автобус, объезжавший «петлю» по грунтовке, остановился за два километра до деревни и загремел всеми железками, отправляясь к следующим пунктам, которые лишь с натяжкой можно было назвать населёнными. За час ходьбы дорогу дважды перебежали зайцы, с обочины, не слишком торопясь, семенили ножками крупные ежи, и повсюду заливались соловьи.

Наконец из заброшенных садов стали стыдливо выглядывать такие же заброшенные домики. Между старых изб вдоль речки иногда сверкали глянцевыми боками дачные строения. Дом бабушки находился на самом краю деревеньки.

Вадик с сомнением осмотрел кнопку звонка на выцветшей двери, выкрашенной коричневой половой краской. Через неё проглядывала старая, синяя. Доски веранды ещё сохраняли синий поблекший цвет. Когда-то веранда цвета неба с белыми окнами служила украшением двора, а сейчас её закрывали разросшиеся кусты, стебли крапивы и репейника. Вадик прикинул объём работы, вздохнул и нажал кнопку.

После долгого молчания, когда он хотел уже барабанить кулаком, за дверью послышалась шарканье ног; бабушка откинула старый тяжёлый крючок. Сначала Вадик решил, что мать с отцом зря паниковали, и бабушка выглядит вполне прилично. Лишь оказавшись в комнате, он обратил вни-

мание на неестественную бледность её лица.

– Ну, как ты, бабуля? – спросил он, наклонившись и чмокнув её в щёку.

– Давление скачет, сердце болит. Никакие таблетки не помогают уже. Видно, отжила я своё – к деду пора.

От бабушки действительно пахло лекарством и чем-то ещё. Мелькнула мысль, что он вдыхает запах не самого человека, а вещей, его окружающих. Только они подтверждают его присутствие в этом мире.

– Ты это брось, – растерянно произнёс Вадим, присаживаясь на старый табурет. – Мне приказано за неделю поставить тебя на ноги.

Бабушка махнула рукой и промокнула ладошкой влажные глаза – сначала один, потом другой. По устной инструкции матери он измерил её давление, достал лекарство, дал по списку «сердечное», «успокоительное», «от давления», достал контейнеры с котлетами, батон колбасы, сыр, кексы.

– Есть так рано не хочу, – запротестовала бабушка. – Возьми молока в холодильнике, бутерброд себе сделай, отдохни с дороги, а позже за столом посидим. Постели себе в маминной комнате.

В бывшей комнате мамы помещались лишь допотопная железная кровать, самодельный стол и этажерка. Одежду вешали на стул или на гвозди, забитые прямо в дверь. На этажерке стояли вперемешку томики стихов и фантастики, самоучитель по английскому, лежали стопкой старые

тетради. На верхней полке сидел облезлый плюшевый медведь неопределённого цвета в окружении флакончиков духов и коробочек.

Кровать была главным украшением комнаты: покрыта самодельным одеялом, с горой подушек под кружевной накидкой, с ярким, расшитым цветами ковром на стене. Наверное, она была слишком низкая, потому что, когда Вадим бухнулся на лоскутное одеяло прямо в кроссовках, в половину окна на него посмотрело огромное небо. Лишь внизу, играя световыми бликами на листьях, пробивались в оконный пейзаж зелёные ветви яблони. Он прикрыл веки от яркого света и почти сразу же уснул.

2

– Странный экземпляр, – медленно произнёс над ним скрипучий голос.

– Нормальный. Давай сделаем так, чтобы он видел, – предложил в ответ звонкий.

– Не получится. Зачем он тебе? Смотри, какая мёртвая зона в этой области. Суженное восприятие, – ворчливо заметил Скрипучий.

– А сколько связей в подкорке! С ним можно работать! – упорно возражал Звонкий.

– Ха! В подкорке! В подкорке мы все гении! А в сознании с такой обширной искусственной зоной подавления человек становится или дебилом, или маньяком!

– Он не маньяк! Он циклоид!

– А кто такой циклоид? – решил вмешаться в спор Вадик и проснулся.

3

В тесной комнате пусто. На небо за окошком напоздла стайка облаков. Листья яблонь уже не отбрасывали тень друг на друга, не играли бликами, а выглядели однообразными, серо-зелёными. Вадик потянулся к планшету: разряжен. Достал телефон: нет связи.

В комнату заглянула бабушка и позвала «попить чайку». В центре стола, покрытого блестящей клеёнкой, рядом с эмалированным синим чайником стояли бокалы в горошек, на тарелке – стопка блинчиков, на блюде – малиновое варенье. Вадик торопливо шагнул к столу и схватил блинчик, даже не успев присесть. Бабушка подвинула табурет и с удовольствием наблюдала за тем, как он проглатывает её стряпню.

– Проголодался? К вечеру борщ тебе сварю. Ты блинчики-то чаем запивай! Чай заварила на смородинке. Такой душистый! А мне после лекарства легче стало. Даже огородик полить вышла. Там огурчики ранние посажены. Дня через три угощу. А к вечеру прошлогодних банку открою. С картошечкой вкусно. Мама на обед картошку варит или на макаронах живёте?

– Бабуль, нас до шести вечера никого в квартире не бывает. Перекусить в городе можно на каждом шагу. А дома утром – кофе, вечером – чай. Колбаска, сыр, пиццу закажем.

Нет, по выходным-то она на кухне отрывается.

– Совсем город девушку испортил, – вздохнула бабушка. – Как она готовить любила: пироги пекла, торты освоила... А салаты какие придумывала!

– Ну, салаты-то она и сейчас придумывает! – усмехнулся Вадик. – Такие, блин, салаты, что после их приёма хоть на тренировку не ходи!

– А что за тренировка? – немедленно поинтересовалась бабушка.

Вадим замешкался. Конечно, он знал, что бабушка была грамотной женщиной – работала методистом в сельском клубе, отвечала за работу с молодёжью, но чтобы так, с первого разговора, она подвела его к ключевому вопросу, он не ожидал. Бабушка уловила заминку и помогла:

– В наше время бокс в моде был.

– Нет, не бокс. Я занимаюсь восточной борьбой.

– А почему восточной? Нашей нет? Я считала и продолжаю настаивать на том, что в русской культуре есть всё, за чем сегодня охотятся на Тибете.

– Есть и наша. Просто в школе объявление висело на восточную – мы и пошли.

– Всем классом? С учителем?

– Нет, учителям по барабану, куда мы ходим после уроков. Нас из класса пошло человек семь, а осталось двое. Но я тебе потом, бабуль, расскажу. Где у тебя телефон берёт? Откуда маме позвонить можно?

– А вот с того пригорка.

– Я пойду?

– Сходи до речки прогуляйся! У нас летом красиво.

Вадик торопливо вышел из-за стола, чуть не забыв мобильник. Вышел за калитку, оглянулся на окно, из которого участливо смотрела ему вслед бабушка, и, кивнув, пошёл вверх по дороге, гадая, что именно ей могло быть известно от мамы.

В секцию борьбы его уломал пойти сосед по парте Тимка. Вадик отговаривал одноклассника от затеи. Зачем соваться в новый вид спорта в шестнадцать лет? Идёт эра специалистов – тренировки начинают в начальной школе. Тимка пыхтел, связно ничего объяснить не умел, но всё-таки донёс до него мысль, что это не простая борьба, а искусство защиты – очень древнее и секретное, требующее интеллекта, с психологической атакой на противника, с методами дистанционного влияния... Последние выкладки он явно повторял за кем-то. Крепышу Тимке дистанционное подавление противника надо как рыбке зонтик. Скорее всего, дистанционно влиять он хотел не с целью защиты, а прямо противоположной – сближения. И совсем не на врага... По крайней мере, на что-то такое намекало объявление.

И первое занятие, и сам руководитель Вадик не понравились. Проходили тренировки в невзрачном спортзале бывшего Дома пионеров, который полгорода так по старинке и называли. Новое витиеватое название, в котором вперемешку звучали слова «искусство», «развитие» и «дополнительное образование», никто в правильной последовательности запомнить не мог. Качались, бегали, прыгали. Тренер командовал высоким, немного гнусавым голосом, похожим на женский. Сам он был низкого роста, толстенький, лысо-

ватый и облачён в серый комбинезон.

От обычного урока физкультуры занятие отличалось разве что тем, что тренер подходил к каждому, участливо заглядывал в глаза, брал за запястье или дотрагивался до плеча. Девчонки округляли глаза и хихикали. Парни отводили взгляд в сторону. Часть группы после тупой полуторачасовой нагрузки ушла. Оставшиеся двадцать человек тренер усадил вокруг себя на старых тяжёлых матах и объявил, что самые стойкие оказались достойны первого секретного приёма.

Приём заключался в том, что противника нужно заставить «раскрыться», чтобы забрать его энергию. Достичь результата следует неожиданным вопросом или утверждением, который сразу деморализует собеседника. Он захотел продемонстрировать сказанное и оглядел девчонок. Их и так-то на занятие пришло мало, а осталось вообще четыре: низенькая косоглазая Дина, яркая энергичная Рита и две подружки-одноклассницы – Поля и Уля. Они учились в параллельном классе, но их мало кто знал, потому, что они перешли в их школу только в десятом.

Ульяна была красива: высокая, хорошо сложенная, большеглазая, вся в тёмных кудряшках. Только узкие губы придавали её лицу несколько удивлённо-глуповатое выражение. Светленькая сероглазая худышка Полина рядом с ней терялась.

Тренер, который просил называть его «просто Денис»,

встал, подал руку Рите и стал напротив неё.

– Начнём? Готова?

– Готова, – улыбнулась Рита.

– Ты только брюки повыше подтяни, а то у тебя бельё торчит.

Риту бросило в краску, а Денис торжествующе поднял руки, как в цирке после исполнения трюка. Рита поняла, что с ней шутили, засмеялась, а Вадику стало неудобно. Его хмурый взгляд насторожил Дениса, и тот предложил всем разбиться по парам и попробовать «психологическое упражнение». Вадику досталась Полина. Она весело оглядела его с ног до головы и с ходу решила взять реванш:

– Пойдём уединимся?

– Легко, – не сдался Вадик

Под шутки окружающих они отошли к самому дальнему окну, закрытому, как все остальные, деревянными рейками «от мячей». Сели напротив друг друга на гимнастическую скамейку.

– Как часто ты предлагаешь парням уединение? – зорко наблюдая за её реакцией, спросил он.

– Очень редко. И всё потому, что настоящих парней не вижу.

Полина продолжала улыбаться открыто. Иногда она слегка запрокидывала голову, чтобы откинуть светлую длинную чёлку, падавшую на правый глаз. Тонкая шея при этом выгибалась из просторной зелёной футболки красиво, как у ле-

беда.

– А какой парень для тебя «настоящий»? Тот, что может подарить дорогую вещь?

– Не просто дорогую, а любую! Понимаешь? Лю-бу-ю! Вот ты смог бы подарить девушке то, что она попросит?

– Что, например?

– Например, – хитро улыбнулась Полина, – прокладки, которые рекламируют по телеку.

– Нет, – поспешно ответил Вадик, но, чтобы сохранить лицо, добавил с самым серьёзным выражением: – Как раз потому, что они неоправданно дорогие. Реклама же удорожает продукцию.

Полина раскрыла рот от удивления, а потом толкнула его кулачком в грудь и расхохоталась на весь зал. На них, прекратив занятия, уставились все остальные. Его тоже разобрал безудержный смех, который на мгновение связал их маленькой тайной.

Главная улица бабушкиного села с гордым названием Центральная всё ещё сохраняла следы асфальта советского периода. Края обочин размыты дождями так, что ехать в тёмное время водителю, не знающему наизусть все вымоины, означало неминуемо попасть в одну из них колесом.

В детстве, когда мама возила его в свою деревню, она не уставала напоминать, что здороваться нужно со всеми – знакомыми и незнакомыми, – что отвечать нужно на любой вопрос о себе, потому что в деревне каждый новый человек – событие. Но как быстро ушли в прошлое деревенские неписанные правила! Никто на него не оглядывался. Во дворах копошились равнодушные к происходящему в округе полуголые дачники. Лишь лохматые мордочки породистых котов и мосек глазели на проходящего мимо заборов паренька.

Вадик остановился на пригорке и позвонил маме. Мама тут же взяла трубку – видно, ожидала звонка и не расставалась с телефоном. Она забросала его вопросами, на которые и отвечать-то было необязательно:

– Вы там как с бабушкой? Поладили? Она тебе, конечно, блинов напекла? Ей при тебе уже лучше стало? Недельку выдержишь? Потом папа приедет.

Вадик покорно поддакивал. После разговора он впал в ступор, продолжая смотреть на мобильный телефон. Паль-

цы ждали команды, чтобы набрать ещё один номер – привычный, но запретный. Резкий толчок сзади, и телефон упал далеко в траву.

Мальчишка лет семи отпихнул его и пробежал мимо за покотившимся мячиком, успев крикнуть:

– Чего встал на дороге, дылда?

– А ты тоже смотри, куда бежишь! – грубым голосом закричала сзади женщина.

Вадик с удивлением отметил, что неприятным голосом обладает вполне миловидная особа лет двадцати с хвостиком. Она смотрела ему прямо в глаза и улыбалась:

– Ну, чего стоишь – ищи мобильник!

Это она к своему мальчишке обращается? Нет, тот убежал вперед. Как с ней разговаривать-то? Куда смотреть, чтобы сохранять нормальное выражение лица? Шорты – скорее бикини, а футболка что сверху, что снизу открыта так, что видно было бы всё, если б под ней было на что смотреть, кроме худобы. Но девушка, похоже, так не считала.

– Диктуй свой номер телефона.

– Зачем?

– Чего тупишь? По звонку телефон быстрее отыщем.

Мелодия звонка раздалась из-под зарослей колючего кустарника, который рос у ограды красного кирпичного домика.

– Мам, – позвал мальчишка. – Чего ты с ним возишься? Автолавка уйдёт.

– Успеешь!

– Да ну тебя! Дура!

– Поговори ещё!

За ближайшим забором раздался смех. Девушка сразу напрыглась, вскинула голову так, что при своём высоком росте стала ещё выше, и гордой походкой цапли зашагала по дороге.

За заборчиком, распрямившись, стояла над грядкой старушка и, прикрываясь ладонью от солнца, разглядывала Вадика.

– Подходи ближе, молодой человек. Я тебе сейчас граблями телефон вытолкну, – старушка, переступая непослушными ногами, двинулась к кустарнику. – Spина затекла. Под куст не пролезу. Сейчас подвину осторожно. Достанешь? Вот бандит этот Юрка! Ни мать, ни бабуку не слушает! Бабушка его, Наташкина мать, в городской администрации сидит. Весь город Людмила Васильевна воспитывает, а до своих руки не доходят! Ты чей будешь? Не помню тебя что-то.

– Мою маму зовут Арина Полянская.

– Аринин сынок? К бабушке Вере? Молодец, что навещаешь! Как она поживает? Всё дубы свои стережёт?

– Какие дубы? – не понял Вадик.

– Да так, к слову пришлось, – смутилась собеседница. – Ты телефон поднял? Ну, передавай бабушке привет от Таисии Петровны.

Вадик ещё побродил по деревне взад-вперёд, но к реч-

ке не пошёл, потому что на дороге стояла толпа, поджидавшая автолавку. Над толпой возвышалась светловолосая голова Наташи. Бегал Юрка, круша палкой, как шашкой, придорожную траву.

Вадик вернулся к бабушке, чтобы воевать с зарослями у дома. Он пытался не думать о том, что на его мобильнике не пропечаталось ни одного входящего вызова.

После двух часов работы бензокосилки двор преобразился. Стал понятен мамин замысел. В тени веранды рос ряд низкорослых декоративных сосен. Перед ним в шахматном порядке прокинуты шины от старых колёс, где среди сорняков уже начинали цвести оранжевые бархатцы. Мама очень просила прополоть, но не мешать же два вида деятельности в один приём! Вдоль забора чередовались липы и рябины. Дровяной, хозяйственный сарай и бывший хлев для скота со стороны двора были обтянуты декоративной сеткой, по которой поднимались выюны-самосейнцы. Почти в центре двора красовалась пушистая ель с обрезанной макушкой, которую когда-то мама наряжала под Новый год. Срубленные неживые ели она не считала украшением праздника и в городскую квартиру 31 декабря приносила только сосновые ветки.

В глубине двора перед огородом в землю вкопаны сварные качели. И маме прослужили, и ему, и ещё простоят, только подшипники смазывай! На совесть сделаны... Покойный дед без памяти любил единственную дочь.

Довольная бабушка вышла во двор, присела на деревянную лавку у крыльца и наградила Вадика высшей похвалой:

– Красивый двор! Почти как при дедушке.

– Почему «почти»? Я чисто скосил. Знаешь, сколько возиться пришлось с мамиными посадками?

– Да разве я говорю, что плохо? Дед просто больше косил. Видишь край огорода? Он кругом всё обкашивал. Не могу привыкнуть, что земля пустует. Вы отказались картошку себе выращивать, а у меня сил только на грядки и хватило.

– Купим мы тебе картошку! Папа сказал, она копейки стоит. Чего зря ломаться?

Бабушка погрустнела.

– Не в деньгах дело. Стареют твои родители. Мама выросла на своих продуктах. Папа, хоть и городской, а на здоровом питании помешан. Тяжело им уже – вот и ищут себе оправданье.

Папа с мамой были одногодками, поженились на втором курсе института, через год родили его, героически учились между пеленками и болезнями сына, не сломались перед бытом и сейчас любили гулять, взявшись за руки. Они выглядели молодо, посещали бассейн и теннис. Вадик никогда бы не подумал, что старость может начинаться вот так: с отказа от физической работы.

– Бабуль, а в конце июня картошку уже не сажают?

– У нас бабки и в конце июля сажают. Потом в сентябре на базаре как свеженькую продают. А ты что задумал? Семе-

на я сохранила, а вот чтобы вспахать, надо искать коня или трактор.

– Я, бабуль, завтра пройду дедушкиным маршрутом, а там видно будет.

– Дед до самой смерти двор в порядке держал. Бензокосилку он себе купил, когда Арина школу заканчивала, а до этого всё косой махал. Бывало, весь двор обкосит, а потом ещё тропинку до Фединога дубка ведёт.

– Какого дубка?

– На том пригорке растёт, за старым руслом. Видишь? Ты заканчивай, умывайся. Я пока на стол соберу.

Вадик встал на скамейку, чтобы лучше осмотреться. Вечером в июне светло, как днём. Бабушкино село стояло на левом берегу речки Сонная. В селе ее название произносили по-свойски – Сонька. Центральная улица села сначала шла вдоль реки, а потом упиралась в берег, потому что речка делала резкий поворот влево, образовав излучину с широким песчаным пляжем. От Центральной улицы влево почти под прямыми углами расходились переулки. По правой же, «бабушкиной» стороне улицы, за дворами и огородами начиналась низина, образованная старым заброшенным руслом Соньки. По весне её затапливало, а потом всё пространство зарастало камышом и непроходимым кустарником. По низине к речке никто не ходил. И только его дед, не жалея сил и времени, прокашивал из своего огорода тропинку до нового русла.

Бабушка накормила до отвала. Вадик не признавал супы, и бабушкин борщ взялся хлебать из вежливости, да не заметил, как увлёкся. Они с бабушкой сели смотреть новости, но тянуло в сон. Он пожаловался, что никогда так много не спал, получил в ответ рекомендацию по поводу того, что «организм сам знает, сколько нужно отдыхать для здоровья», и отправился к себе. Мамина кровать с готовностью прогнулась всеми пружинами под его позвоночником.

6

Ему показалось, что заснуть он не успел, как в окно постучали. Подняв голову, он рассмотрел яркий, скорее всего, искусственного происхождения, свет за окном. Кому потребовалось освещать окно фарами? Вадик тяжело поднялся с кровати и пошёл на свет. Щурясь, крикнул в распахнутую форточку:

– Свет погасите!

– Извини, – ответил ему знакомый со времён прошлого сна звонкий голос.

Яркость света уменьшилась. За окном находился отсек какого-то помещения. В нём прямо напротив окна сидела молодая девушка в светлом облегающем комбинезоне. Лицо красивое, с чистой кожей. Глаза большие, тёмные. Волосы спрятаны под беретик.

– Испугался? Я сейчас всё объясню.

– Ты как тут оказалась? А сад где?

– На месте и сад, и дом. То, что ты видишь, – это трансляция. Как телевидение.

Вадик протянул руку и тут же отдёрнул, получив ощутимый удар током.

– Больно? Я потом уберу защиту, но при первых контактах не имею на это права по инструкции.

– Инопланетяне, что ли?

– Нет, земляне из сопредельной реальности. Слышал про такие? В ваших школах проходят теорию со-цивилизаций?

– Нет.

– Жалко. Там много формул, умозаключений, так что сказать кратко – это почти ничего не сказать.

– Попробуй.

– Попробую. Представь себе развитие человечества в виде прямой линии. На определённом отрезке этой линии возникает открытие, которое может повлиять на весь ход истории. Скажем, в некоем уголке планеты открыт новый источник энергии. У создателя появляется выбор: сделать новый вид оружия и покорить окружающие территории или послать звездолёт в ту часть галактики, в которой теоретически могут обитать разумные существа. Этот выбор – отправная точка. Последующую цепь событий изменить трудно, но мысли уже не одного, а миллионов людей будут возвращаться к отправной точке и прогнозировать возможность иного развития. Напряжённость отправной точки достигает такого накала, что порождает параллельное развитие иной цивилизации в заданном направлении. Про то, что мысль материальна, ты, надеюсь, слышал.

– Придуманная гипотетическая цивилизация? Так вы ненастоящие?

– А может, вы – ненастоящие? – задиристо возразила девушка. – Я знакомилась с вашими древними источниками информации. Сам-то их помнишь? «Вначале было слово»!

Разве это не прямое указание на рождение из отправной точки?

– Это больше смахивает на выбор создателя. То есть вы сами не знаете, кто был первым, кто вторым. Может, уже и третьи есть?

– Есть, – тихо подтвердила девушка. – Нам известно четыре со-цивилизации, но только с двумя из них мы выходим на связь. У остальных поставлены защитные экраны. Там по каким-то причинам опасаются контакта. Наши исследования тоже могут попасть под запрет, поэтому я спешу в установлении контакта с тобой.

– Это опасно?

– Для тебя – нет. Опасность есть для меня, и она заключается в выводах, которые могут не понравиться нашему общественному мнению. У меня лимит времени на первый контакт. С наступлением новых суток я смогу оформить разрешение на новый. Ты даёшь согласие на контакт? Будешь ждать меня следующей ночью?

– Я не против, но боюсь, бабушка испугается.

– Не бойся, всё продумано. Изоляционное поле исключает незапланированные контакты. К нашей следующей встрече постарайся вспомнить самые счастливые минуты своей жизни.

Окно на миг отпугнуло чернотой, но потом показало пейзаж с яблоневым садом в лунном свете. Вадик лёг, стал обдумать разговор с «сопредельной» девушкой, но быстро за-

снул. Во сне тренер гнусавым голосом читал вслух книгу Карлоса Кастанеды, показывал в окне их тренировочного зала чёрный мир, который описывал автор, и утверждал, что он явился оттуда для подготовки вторжения.

Утром Вадик уже не мог с уверенностью сказать, что было сном, а что – явью. Слишком всё просто и весело казалось для реального контакта.

Бежать на пригорок проверять непринятые вызовы значило навлечь вопросы со стороны бабушки. Полина, в отличие от сверстников, не была фанаткой мобильного – могла запросто забросить его дня на два. Звонила она исключительно по необходимости, не любила вести телефонные разговоры в присутствии посторонних. Телефончик у неё был не новый – достался от брата, который заработал на новую модель. В очередь на него стояли две младшие сестрёнки Полины.

После тренировок Вадик провожал Полину домой. С ней было легко. Говорили на любые темы. Иногда она приглашала его к себе. Их трёхкомнатная квартира напоминала общежитие. Одну комнату занимали родители, вторую – старший брат со своей девушкой, в третьей размещались Полина с младшими сёстрами. Гости провожали на кухню. Полина извинялась за то, что в их доме «не залёживаются конфеты», резала мягкий батон и доставала к чаю домашнее варенье. И так почти месяц. Было ли это счастьем?

Первая трещина в отношениях появилась в ноябре. Тренер всё чаще отпускал пошлые шуточки по поводу их прогулок. Полина краснела. В один из вечеров она предложи-

ла Уле «пойти с ними». За Ульяной увязался Тимка. Четвёрка бесцельно слонялась по городу, соревнуясь в приколах и анекдотах. Денис уходил вместе с Ритой, но однажды решил присоединиться. Гулять по городу стали ещё дольше. Так получилось, что первым из компании стал уходить он. Родители из-за позднего возвращения могли совсем запретить посещение борьбы.

Тренировки стали доставлять страдания. Денис постоянно выбирал его манекеном для показа приёмов. Он корчился от боли и падал на глазах у девчонок. Много раз решал, что бросит борьбу, но целый день ждал часа, когда можно будет отправиться в спортзал. Участников их странных занятий осталось ещё меньше – всего десять человек, – но занимались они теперь каждый день по три часа. За аренду зала сверх программы Денис брал плату. В виде компенсации тренер стал приносить книги из личной библиотеки. В тонких брошюрках, помимо приёмов борьбы, описывались практики изменения сознания, работы с кармой, создания установок. При трактовке прочитанного Денис высмеивал идиотизм парней, но был доволен, когда высказывались девчонки.

8

Вадик встряхнул головой, отгоняя неприятные воспоминания. С секцией борьбы покончено навсегда! Он дал слово отцу.

Бабушка постучала в дверь и заглянула в комнату:

– Проснулся? Вот и хорошо! Я к тому, что если ты косить за двором собрался, то лучше бы пораньше. К обеду оводы замучают. Никаким спреем не спасёшься!

Вадик категорически отказался от завтрака, получил справку о том, что дед тоже не садился за стол, не поработав, и вышел во двор. В низине клубился туман, а над ним поднялись зелёные берега, освещённые утренним солнцем. Птицы заливались, предсказывая ясный день. Вадик почувствовал себя первооткрывателем на незнакомой планете и с готовностью поднял свой инструмент для прокладки маршрута.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.